Цѣна отдѣльнаго номера въ Москвѣ 3 коп.

ЖИВОЕ СЛОВО.

(Бывш. „ИТОГИ НЕДѢЛИ“).

ВЫХОДИТЪ ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ.

№ 19. Понедѣльникъ, 11 (24) іюля 1911 г. № 19.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
За годъ 2 руб. 50 коп., за 1/2 года 1 руб. 25 коп.

Плата за объявленія:
За строку петита:
Передъ текстомъ............ — руб. 60 коп.
Послѣ текста............... — руб. 30 коп.

Объявленія принимаются конторой отъ 11 до 5 ч. ежедневно; по воскресеньямъ — въ типографіи т-ва А. И. Мамонтова до 12 1/2 ч. ночи.

„Живое Слово“ временно выходитъ по понедѣльникамъ.

Адресъ редакціи и конторы:
Москва, Тверская, Благовѣщенскій пер., 3.

Редакція открыта отъ 2 до 4 час. по вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ.

Телефонъ дневной редакціи и конторы 290-50.

Телефонъ ночной редакціи 129-31.

Рукописи обратно не возвращаются.

Въ провинціи и на жел. дор. цѣна № 5 коп.

Мужикъ и государственность.

Въ нынѣшнемъ году во многихъ мѣстахъ необъятной Россіи ожидается неурожай, призракъ голодовки витаетъ у околицъ многочисленныхъ селъ и деревень.

Земледѣльческая страна рискуетъ остаться безъ хлѣба.

Явленіе у насъ обычное, рѣдко кого оно удивитъ и немногихъ обезпокоитъ.

Газеты разныхъ направленій много пишутъ о томъ, какъ улучшить культуру крестьянскаго земледѣлія и поставить урожайность внѣ зависимости отъ неба, отъ погоды.

Рекомендуются всѣмъ давно извѣстные рецепты.

— Надо-де приблизить къ крестьянамъ агрономическую помощь, необходимо насаждать въ массахъ образованіе.

Все это общепризнанныя, безспорныя средства противъ неурожаевъ и хроническихъ голодовокъ въ деревнѣ.

Странно только, что всѣ эти совѣты остаются неисполненными, ихъ никто не слушаетъ. А ужъ, казалось бы, чего проще: рецепты, предложенные для уврачеванія крестьянскаго земледѣлія, такъ просты, несложны, ясны...

Но, должно быть, просты и ясны эти рецепты не для всѣхъ. Есть нѣчто, что довлѣетъ и надъ крестьянскимъ землевладѣніемъ, и надъ культурой крестьянскаго земледѣлія.

Это—государственность.

Газеты, напримѣръ, сообщаютъ:

Харьковское земство рѣшило пригласить на службу ученаго энтомолога для борьбы съ вредными насѣкомыми.

Всѣмъ извѣстно, какой вредъ приносятъ посѣвамъ разныя насѣкомыя. И борьба съ ними—это одна изъ очередныхъ задачъ въ дѣлѣ улучшенія крестьянскаго земледѣлія.

Извѣстный энтомологъ Вагнеръ, бывшій профессоръ кіевскаго политехникума, оказался свободенъ: онъ былъ уволенъ минувшей весной вмѣстѣ съ московскими профессорами. Пригласили его. Очевидно, комментируютъ газеты, г. Вагнеръ оказался человѣкомъ вреднымъ и для занятій со студентами непригоднымъ.

Но, если онъ опасенъ для студентовъ, то въ борьбѣ съ насѣкомыми эта опасность исчезаетъ. Напротивъ, чѣмъ опаснѣе онъ будетъ для насѣкомыхъ, тѣмъ лучше. Энтомологовъ же у насъ мало, днемъ съ огнемъ надо искать.

Но... такъ думаете вы, читатель, такъ какъ вы не понимаете важности охраненія государственности и ея устоевъ во всей непоколебимости. Иначе думаютъ тѣ, кто призванъ охранять эту государственность.

Профессора Вагнера не утвердили и, такимъ образомъ, лишили его возможности бороться съ вредными насѣкомыми.

Выиграютъ отъ этого, несомнѣнно, насѣкомыя и, должно быть, государственность.

А мужикъ?..

Такая же исторія повторилась въ Одессѣ. Задумали тамъ для успѣшной борьбы съ чумой устроить эпидеміологическіе курсы. Но и тамъ во славу государственности была произведена такая основательная чистка, что курсы учредить оказалось невозможнымъ. Г. Кассо, за однимъ, вычеркнулъ послѣдняго крамольнаго ученаго г. Гамалѣю изъ числа университетскихъ преподавателей.

И подобныхъ примѣровъ можно насчитать тысячи. Да и нужно ли приводить ихъ? Вѣдь, такіе факты извѣстны каждому, и жизнь преподноситъ намъ ихъ ежедневно.

Изъ года въ годъ повторяются неурожаи, изъ года въ годъ и правительство, и общество, и печать говорятъ о необходимости улучшенія крестьянскаго земледѣлія.

А возъ и нынѣ тамъ.

И долго еще онъ будетъ стоять на одномъ мѣстѣ. Ибо государственность, охраненіе ея, и крестьянское земледѣліе, улучшеніе его, стоятъ въ трагическомъ противорѣчіи другъ къ другу...

Что, если бы благодѣтели и опекуны народнаго благополучія предоставили возможность мужику откровенно высказаться о томъ, какія мѣры онъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразными и неотложными въ дѣлѣ поднятія его благополучія.

Отвѣтъ не трудно предугадать:

— Первое дѣло,—сказалъ бы мужикъ,—надо землицы прибавить. Потому, примѣрно сказать, куренка и того выпустить некуда.

А затѣмъ онъ потребовалъ бы, чтобы ему дали и агрономовъ, и учителей, и врачей хорошихъ—безразлично, какихъ они политическихъ взглядовъ, лишь бы знали свое дѣло и добросовѣстно къ нему относились.

И, что всего хуже, этотъ неблагодарный варваръ-мужикъ совершенно не оцѣнитъ такой государственности, въ жертву которой приносятся цвѣтъ интеллигенціи и его, мужицкое, благополучіе...

П. Мурашевъ.

Въ поискахъ Россіи.

Очерки В. Поссе.

I.

Вмѣсто предисловія.

Названіе моихъ очерковъ можетъ смутить читателей.

Въ поискахъ Россіи! Да развѣ Россія еще не найдена?!

Развѣ трудно замѣтить ее на картѣ земного шара, гдѣ она протянулась отъ моря Балтійскаго въ Европѣ до моря Японскаго въ Азіи? Эту Россію, эти огромныя пространства земли искать не приходится. Не приходится искать и ту оффиціальную Россію, которая вела японскую войну и состоитъ въ союзѣ и дружбѣ съ французской республикой и просто въ дружбѣ съ германской имперіей.

Но приходится поискать ту Россію, которую, по словамъ Тютчева, „аршиномъ не измѣрить,“ въ которую „можно только вѣрить.“

Вѣру обыкновенно противопоставляютъ знанію, но я думаю, что если вѣра безъ дѣла мертва, то безъ знанія она пуста.

Познайте Россію, а потомъ ужъ вѣрьте въ нее!

Познайте Россію, а потомъ ужъ любите ее!

Вѣра безъ знанія мертва, любовь безъ знанія скоропреходяща.

Мы всѣ говоримъ, что любимъ Россію, но знаемъ ли мы ее?!

Достоевскій въ 77 году прошлаго столѣтія писалъ, что „у насъ лишь рѣдчающій человѣкъ знаетъ нашу Россію.“

Съ тѣхъ поръ прошло 35 лѣтъ, но знающіе Россію столь же рѣдки, какъ и во времена Достоевскаго.

Да и самъ Достоевскій достаточно ли зналъ «нашу Россію?»

Ему для познанія нехватало умѣнья отдѣлить Россію оффиціальную, Россію правительственную отъ Россіи народной.

Россію, создающую Толстого, онъ смѣшивалъ съ Россіей, которая стремится завладѣть Константинополемъ.

Ему казалось, что Европу страшитъ въ образѣ Россіи „нѣчто правдивое, нѣчто ужъ слишкомъ безкорыстное, честное, гнушающееся и захватомъ, и взяткой.“

„Россію,—думалъ онъ,—ничѣмъ не прельститъ на неправый союзъ, никакой цѣной, и въ то же время она страшно сильна, и организмъ ея, очевидно, растетъ и мужаетъ не по днямъ, а по часамъ“...

Какъ показали послѣднія событія, оффиціальной Европѣ не было основаній бояться оффиціальной Россіи; что касается Европы рабочей, то ей приходится искать Россію правдивую и безкорыстную и бояться, что она не будетъ найдена.

Достоевскій былъ увѣренъ, что въ Россіи 70-хъ годовъ былъ „новый корень русскихъ людей, которымъ нужна правда, одна правда безъ условной лжи, и которые, чтобы достигнуть этой правды, отдадутъ все рѣшительно.“

Пустъ такъ! Но, вѣдь, кромѣ корня, была и сѣкира. А сѣкиры Достоевскій не видѣлъ.

И намъ теперь, какъ Достоевскому въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, хочется вѣрить, что наступаетъ эпоха Россіи честныхъ людей, которымъ нужна одна лишь правда, но, чтобы твердо повѣрить, нужно узнать „корень“ этой Россіи, нужно найти его.

Если бы пишущаго эти строки спросили, въ чемъ видитъ онъ задачу своей жизни, онъ отвѣтилъ бы: „въ укрѣпленіи познаніемъ вѣры въ торжество правды.“

Скитаясь по огромнымъ пространствамъ русской земли, я искалъ и ищу народную Россію, ищу ея творческія силы. Впечатлѣнія отъ своей поѣздки по Россіи въ 1907 году я въ свое время изложилъ въ „Товарищѣ.“

Это были очерки „Въ даль и глубь Россіи.“

Попытаюсь теперь познакомить читателей „Живого Слова“ съ впечатлѣніями, полученными во время моихъ позднѣйшихъ поѣздокъ по Европейской и Азіатской Россіи. Буду сообщать только тѣ впечатлѣнія, которыя, по моему мнѣнію, могутъ облегчить читателямъ поиски творческой Россіи.

Впечатлѣнія отъ поѣздокъ прошлаго года будутъ переплетаться съ тѣми впечатлѣніями, которыя я надѣюсь получить во время печатанія этихъ очерковъ.

Итакъ, въ путь! И прежде всего, въ старый Новгородъ, гдѣ высится памятникъ тысячелѣтія Россіи, но гдѣ, увы, такъ мало „живой жизни.“

В. Поссе.

Адвокаты мѣщанства.

Статья Н. Чарова.

Въ словарѣ русскихъ бранныхъ словъ появилась новая брань: интеллигентъ.

Это бранное слово родилось въ наши дни, когда на тронъ жизни возводится та умѣренность и аккуратность, которую такъ зло высмѣялъ еще покойникъ Щедринъ...

Не зналъ покойный, что ростки высмѣянной имъ въ свое время пошлости дадутъ въ наши дни такіе богатые плоды.

А мы какъ-разъ именно присутствуемъ, когда эта пошлость, взявшая цитадель растерявшейся жизни и проникнувъ во всѣ норы и щели ея, торжествуетъ свою побѣду...

Какъ всякій побѣдитель, она съ открытымъ забраломъ идетъ по всему фронту русской жизни, объявляя ей громко и радостно свою волю...

А воля эта такова: никакихъ иллюзій, никакихъ мечтаній, никакихъ идей, никакихъ возвышающихъ душу обмановъ...

Красота и смыслъ жизни—за бухгалтерской конторкой, среди гроссбуховъ и копировальныхъ...

Всякій, думающій иначе,—интеллигентъ, т.-е. существо безпочвенное, разгильдяйское, ненужное, безсмысленное...

Такъ рѣзко поставленъ былъ вопросъ всѣми адвокатами оперяющагося у насъ мѣщанства...

Такъ утверждали Петръ Струве, Гер-

Толпа и интеллигенція.

Статья Г. Завражнаго.

Редакція даетъ мѣсто настоящей статьѣ съ оговоркой: вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что пропасть между массами и интеллигенціей растетъ, съ одной стороны, и съ другой—толпа звѣрѣетъ и эксцессы ея зачастую направлены на ту же интеллигенцію,—мы считаемъ выводы автора односторонними. Но эта статья талантливаго „писателя изъ народа“ ярко отражаетъ настроенія толпы и она цѣнна еще потому, что авторъ самъ вышелъ изъ народа и, слѣдовательно, хорошо знаетъ бытъ и нравы его.

Кто интересуется, какъ живетъ, куда стремится и чему поклоняется трудовой элементъ города, кто не безразлично относится къ жизни сѣрой городской толпы, тотъ при внимательномъ наблюденіи не можетъ не замѣтить, что за послѣдніе два-три года въ настроеніи ея произошла огромная перемѣна.

Эта уже не та, порою робкая, порою безшабашно-разгульная, но всегда мягкая и добродушная толпа до-революціонной эпохи. Это не та сдержанная дисциплинированная толпа 1905 и 1906 годовъ, которая казалась сознательной и корректной. Нѣтъ. Въ толпѣ настоящаго времени скрыто что-то стихійно-грубое, что-то зловѣще-страшное.

Имѣя близкое соприкосновеніе съ однимъ изъ многолюднѣйшихъ народныхъ гуляній, посѣщаемыхъ лѣтними праздниками десятками тысячъ, наблюдая здѣсь за рабочими массами нѣсколько лѣтъ подрядъ, я съ ужасомъ замѣчаю, что толпа въ послѣднее время сильно дичаетъ и съ каждымъ днемъ превращается въ какого-то свирѣпаго звѣря, для котораго нѣтъ ничего ни завѣтнаго, ни святого.

На людей иного положенія она смотритъ съ нескрываемой злобой, держитъ себя нахально-вызывающе, съ ужасающимъ цинизмомъ, готовая на всякіе скандалы.

Придраться безъ всякаго повода къ первому встрѣчному и оскорбить его самымъ дерзкимъ образомъ или даже избить до потери сознанія; опрокинуть, повалить и разрушить все на своемъ пути становится ея потребностью такъ же, какъ и напиться до потери человѣческаго образа.

Вотъ примѣры:

Компанія мастеровыхъ человѣкъ въ десять идетъ на гулянье. Это все ребята молодые, одѣтые съ претензіей на франтовство—кто въ англійскомъ кепи, кто въ студенческой фуражкѣ, кто въ дешевой «панамѣ». Одинъ изъ нихъ, съ лихо заломленной на бокъ фуражкой и съ гармоникой черезъ плечо, наигрываетъ какой-то несложный мотивъ, остальные, не стѣсняясь публики, поютъ скабрезные куплеты.

Навстрѣчу имъ идетъ пожилой господинъ съ женой и взрослой дочерью, миловидной барышней, въ легкомъ платьѣ и модной шляпкѣ. Они брезгливо отворачиваются отъ мастеровыхъ, стараясь не слушать ихъ пѣнія, но одинъ изъ компаніи, шибче всѣхъ выкрикивавшій скабрезности, бросается на барышню со словами: «Эхъ, ты, милашка!» и начинаетъ ее обнимать.

Барышня кричитъ, мать тоже, а господинъ бросается къ нахалу и отнимаетъ перепуганную дочь. На шею господина опускается увѣсистая затрещина, котелокъ съ его головы летитъ подъ ноги толпы, а кругомъ слышится злорадный хохотъ и поощряющіе крики:

— Молодецъ! Ловко! Двинь его еще по куполу-то!

Минуты двѣ-три происходитъ нѣчто возмутительное, отъ чего волосы становятся дыбомъ. Наконецъ, господинъ безъ шляпы, съ оторваннымъ рукавомъ, дама съ поломаннымъ зонтикомъ и со съѣхавшей шляпкой, растрепанная барышня съ кровавой царапиной на щекѣ, обезумѣвшія отъ ужаса, бросаются въ стороны, ища защиты, а мастеровые побѣдоносно направляются дальше и продолжаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, распѣвать тѣ же грязные куплеты.

А вотъ другая компанія молодыхъ людей той же категоріи.

Она расположилась на лужайкѣ въ тѣни большихъ кудрявыхъ березъ. Молодой парень съ черными кудрями, прислонясь къ дереву, лихо наигрываетъ на гармоніи, двое молодцовъ пляшутъ русскую. Ихъ кольцомъ окружаютъ любопытные. Молодцы пляшутъ артистически. Въ это время въ числѣ зрителей появляются нѣсколько интеллигентныхъ барышень, и плясуны не преминули перейти съ «чистаго искусства» на хулиганство. Одинъ подмигнулъ имъ и отпустилъ циничную прибаутку, а другой граціозно прошелъ по кругу и, остановившись противъ барышень, развязно взялъ похабную позу, и, продѣлывая возмутительныя движенія, разразился такими мерзкими прибаутками, что барышни, сгорая отъ стыда, бросились врассыпную, сопровождаемыя хохотомъ и насмѣшками.

Я бы привелъ тысячи такихъ случаевъ озорства и хулиганства, но полагаю и этихъ, первыхъ пришедшихъ на память, достаточно, чтобы содрогнуться отъ ужаса.

Но такія, сравнительно сдержанныя выходки проявляются преимущественно днемъ и въ трезвомъ состояніи. Вечеромъ, подъ вліяніемъ водки, озорство идетъ значительно дальше и почти ни одного праздника не проходитъ безъ грандіозныхъ скандаловъ и колоссальнѣйшихъ побоищъ.

Это зловѣщее настроеніе, какъ я уже сказалъ, развивается въ толпѣ быстро. Затаенная злоба, ненависть и чувство мести кому-то и за что-то накопляется все больше и больше.

Смотря на подобныя ужасныя явленія, невольно задаешь себѣ вопросъ: Что же собственно произошло съ этимъ добродушнымъ, терпѣливымъ, выносливымъ и покладистымъ народомъ, что изъ ручного ягненка онъ превращается въ свирѣпаго звѣря.

Мнѣ думается, что повинна въ этомъ наша интеллигенція и художественная литература.

События 1905 года разбудили народъ. Ему тогда на всѣхъ перекресткахъ кричали о его силѣ и могуществѣ, о правахъ и обязанностяхъ; его призывали къ политической дѣятельности и культурной работѣ, помогали сплотиться въ различныя организаціи. Къ его услугамъ книжный рынокъ былъ заваленъ дешевыми брошюрами. Тогда казалось, что онъ готовъ быстро пойти по пути умственнаго развитія. Тогда и художественная литература стала заигрывать съ народомъ. На страницахъ ея запестрѣли имена Петровыхъ Ивановыхъ и Сидоровыхъ. Въ литературѣ стали появляться, такъ называемые, демократическіе сюжеты, но до художественнаго упрощенія языка и формы изложенія она и тогда не пошла, потому что у нея не было навыка, слогъ былъ слишкомъ аристократиченъ.

Моментъ общественнаго подъема миновалъ. Наступило время какой-то мути. Интеллигенція ушла отъ народа или замкнулась въ свои чисто интеллигентскіе идеалы, или даже пристроилась къ теплымъ мѣстечкамъ, не гнушаясь иногда и перемѣною убѣжденій.

Народъ остался одинъ и, озираясь по сторонамъ, какъ бы спрашивалъ недоумѣвающе: Гдѣ же эти руководители, призывавшіе насъ на разумную работу?

Профессіональныя организаціи, въ которыхъ трудовыя массы могли развивать свою самодѣятельность, частью распались по недостатку сознательныхъ силъ, частью позакрылись по другимъ причинамъ, и передъ лицомъ народа разверзлась зіяющая пропасть духовной пустоты.

Въ это время для художественной литературы былъ хорошій моментъ. Умственная и духовная почва народа была уже достаточно разрыхлена ходомъ событій, чтобы подойти къ нему съ живымъ и правдивымъ словомъ, пробудить добрыя начала и вести его къ разумной цѣли.

Но она первая оставила народъ. Когда вѣра въ неподвижность народа снова стала возрождаться, а запахъ пота, дегтя и овчинныхъ полушубковъ уже непріятно щекоталъ носъ, она оборвала на половинѣ демократическіе сюжеты и опять запѣла старыя барскія пѣсни на новый ладъ.

Въ художественныхъ произведеніяхъ стали преобладать цвѣты, женщины съ красивыми тѣлами, любовныя изліянія и похожденія съ безконечными варіантами, библейскія сказанія, перепѣтыя на разныя мотивы и всякія непонятныя аллегоріи, но въ нихъ не стало народа, труда. Между русскимъ народомъ и русскими писателями легла непроходимая пропасть.

Ловкіе, предпріимчивые и жадные къ наживѣ люди хорошо учли этотъ моментъ. Они поняли, что массы не могутъ уже довольствоваться сѣрыми буднями, но жаждутъ чего-то, и быстро наводнили рынокъ легкой хулиганской литературой, доступной и по языку, и по карману. Народъ съ жадностью набросился на эту «духовную пищу». Онъ, какъ губка воду, впитывалъ эту мерзость и постепенно и незамѣтно для себя грубѣлъ и дичалъ. Хулиганскіе романы, съ кровожадными персонажами, съ отъявленными мошенниками и проходимцами и всевозможными мерзостями не могли, конечно, посѣять добраго сѣмени.

Подъ вліяніемъ этого развращающаго чтенія въ массахъ зарождались и зрѣли грубые наклонности и начали проявляться дикіе порывы.

Литература грѣшила противъ народа, не замѣчая его существованія, грѣшила противъ святыхъ завѣтовъ лучшихъ свѣточей прошлой литературы и дѣлала вопіющую ошибку. Надо спѣшить исправить эту ошибку, пока не поздно. Надо признать народъ и его право на духовную жизнь, иначе онъ можетъ сказать грозное:

— Я былъ нищъ духомъ и вы не пришли ко мнѣ, но теперь я силенъ своею злобой и ненавистью и выкину васъ вмѣстѣ съ литературой, какъ ненужный хламъ.

Г. Завражный.